

ble, T. Wright (eds.). – Oxford: Political Quarterly WileyBlackwell, 2009. – P. 41-53.

Ward 2004 – Ward P. Britishness since 1870. – L., N.-Y.: Routledge, 2004.

Ware 2007 – Ware V. Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate. – L.: Arcadia Books, 2007.

Willetts 2009 – Willetts D. England and Britain, Europe and Anglosphere // Britishness: Perspectives on the British Question. – Oxford, 2009. – P. 54-61.

Wright 1998 – Wright S. The Politization of «Culture» // Anthropology Today. – 1998. – Vol. 14. – № 1. – P. 7-15.

Dina N. Karavaeva

NATIONAL IDENTITY AND POLITICAL PROJECTING IN CONTEMPORARY UK

The paper presents the results of the research of Britishness as a national identity and a political public discourse in the contemporary Britain (1990-2010s.). The work is based on historiography, political, museum, media sources and author's field data.

Keywords: UK, British, Britishness, national identity, multiculturalism, ethnopolitics, political discourse.

УДК 069.12

Код ВАК 24.00.03

*М.Ю. Кряжевских, В.Н. Кардапольцева**

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В МУЗЕЕ КАК СПОСОБ ПРЕЗЕНТАЦИИ И АНАЛИЗА УТОПИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТСТВА

Эта статья посвящена социокультурному моделированию как методу музейной деятельности, который позволяет не только представить конкретный

Кряжевских Марина Юрьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры «Художественное проектирование и теория творчества» Уральского государственного горного университета (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Хохрякова, 85).

Kraezhevskykh M. Yu. Candidate of Culturology, dozent of the Department of artistic design and the theory of art of the Ural State Mining University.

E-mail: marika22_77@mail.ru.

Кардапольцева Валентина Николаевна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой художественного проектирования и теории творчества Уральского государственного горного университета (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Хохрякова, 85).

Kardapoltseva V.N. Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of artistic design and the theory of art of the Ural State Mining University

E-mail: Kardapol@mail.ru

© Кряжевских М. Ю., Кардапольцева В. Н., 2018

дискурс прошлого, но и помогает переосмыслить результаты внедрения в общественную жизнь и отечественную педагогическую практику утопических теорий, популярных в к. XVIII–XX вв.

Ключевые слова: музеи, социокультурное моделирование, парадигма детства, воспитание детей, средства воспитания.

Современный музей – не только архиватор одного, законсервированного в постоянной экспозиции культурного контента, но и площадка для актуальных социокультурных высказываний. Временные выставки и проектная деятельность музея представляют различные варианты социокультурного моделирования, являющиеся результатом научного осмысления феноменов прошлого и настоящего. Социокультурное моделирование в музейной практике осуществляется посредством музейной интерпретации, которая определяется как сложный многоуровневый процесс, презентующий тот или иной дискурс прошлого. «Этот дискурс представляет собой заархивированный поток информации, закодированный текст, с которым взаимодействует субъект-адресант посредством артефактов, находящихся в музейном пространстве... Дискурс прошлого, транслируемый музеем, носит фрагментарный характер. Прежде всего, этот дискурс – социокультурная модель другого идеального дискурса определенной эпохи, который в полном объеме никогда не будет прочитан»²¹⁹.

В центре нашего исследования находится пример социокультурного моделирования преломления и реализации утопических идей о воспитании «нового человека» в парадигмах детства конца XVIII – XX вв.

В прошедшем 2017 году широко отмечалось 100-летие Октябрьской революции и была предпринята масштабная попытка ее разностороннего переосмысления. В выставочном проекте «Революция детства» филиала Объединенного музея писателей Урала (г. Екатеринбург) музея «Литературная жизнь Урала XIX века» Октябрьская революция 1917 года представлена не только в разрезе социально-историческом, а как некий водораздел между «старой» и «новой» культурой, как глобальная перестройка жизни российского общества в целом и парадигмы детства на новых принципах в частности.

Каждой исторической эпохе соответствует свой характерный тип личности: доминирующий стиль воспитания формирует определенный тип характера, с присущими ему психологическими особенностями и проблемами. Государственная политика в сфере детства в конкретном обществе формирует людей будущего. В контексте выставки рассматриваются две утопические идеи создания «нового человека» и их реальное воплощение в педагогической практике и повседневной жизни России с конца XVIII – до 1990-х гг. XX вв.

²¹⁹ Кряжевских 2010: 71.

Метод моделирования позволил сконструировать три парадигмы детства. Две из них относятся к «старой» царской России, третий – к России новой, советской. Безусловно, вариантов организации детской жизни было намного больше, но эти три объединяют наиболее распространенные.

Основными позициями моделирования парадигм детства стали такие положения, как взаимоотношения детей и родителей, образование и воспитание, гигиена, здоровье и уход за ребенком, круг чтения, наказания, досуг, игры, праздники, игрушки, имянаречение. Дополнить модели необходимым контентом помог партнер выставочного проекта – Музей гигиены Городского центра медицинской профилактики Екатеринбурга.

Первая модель – мир «детской» комнаты. Это условно дворянское детство (собственное «дворянское» детство, частично семьи купечества и семьи интеллигенции), проведенное в специальной зоне, отделенной от «взрослого» мира – «детской» комнате. Появление «детской» комнаты во второй половине XVIII столетия в России стало следствием неправильно понятой и принятой утопической идеи Ж.Ж. Руссо о воспитании человека нового, тогда еще «буржуазного» общества. Философ считал, что человек испорчен современным обществом, следовательно воспитывать ребенка следует вдали от цивилизации на «лоне природы». Он полагал, что мир «испорченных» взрослых и мир детей не должны пересекаться. Идеалом для Руссо был человек, живущий плодами своих трудов, ни от кого не зависящий, уважающий чужую свободу и ценящий собственную. Дети крестьян воспитаны таким образом уже самой жизнью, их нужно только просвещать, а дети аристократов нуждаются в специальных условиях. Естественное и свободное воспитание должно учитывать возрастные особенности ребенка, в этом процессе согласованно действуют три фактора – «воспитание природой», «воспитание людьми» и воспитание через опыт, получаемый ребенком от манипуляций с окружающими его вещами. При этом он требовал отмены схоластической зубрежки, наказаний, суровой дисциплины.

Философия Руссо была очень популярна и в России. Отечественное дворянство, которое на «лоне природы» могло воспитывать детей только в летние месяцы, стремительно стало выделять особые «детские» комнаты, обставленные маленькой мебелью, сообразно с ростом малышей. Идеи Руссо, перенятые поверхностно, как дань европейской моде, не изменили отношения к ребенку, не способствовали принятию ребенка как личности.

Обращение к свидетельствам эпохи – мемуарам и воспоминаниям представителей российского дворянства, известных писателей разрушает социокультурный миф о комфортном детстве в окружении за-

ботливых няней и гувернанток, с ожиданием Рождества и Пасхи, добрым отношением домашних.

Уголок «детской» с маленьким изящным письменным столиком, креслом, шкафом с книгами и игрушками, коробками из-под «конфетовъ», огромным похвальным листом с позолотой – не только умилительная иллюстрация детского мира: тут же была кадучка с розгами, горох в углу и безжалостная статистика о детской смертности в XIX веке. В. Бокова отмечала, что комнату для детей отводили в неподходящих для жизни взрослых местах – на тесных антресолях с низким потолком. Из маленькой мебели дети быстро вырастали, держали их вместе с неграмотными, порой нечистоплотными, няньками до школьного возраста. Отсутствие элементарной гигиены, прогулок на свежем воздухе, отказ от проветривания помещения приводило к распространению смертельных заболеваний²²⁰. Своих детей сурово наказывали и просвещенные писатели и тому есть многочисленные свидетельства – А. Пушкин, В. Жуковский, П. Вяземский и др.

В шкафу-витрине представлены дореволюционные детские издания, обращающие внимание на сентиментальный характер детского чтения, на снисходительное отношение к ребенку: Л. Чарская «Смешные малютки», «Два мирка», «Детки земли», романтические повести о гимназистках. В выставке используются репринты «Азбуки» А. Бенуа (оригинал 1915 г.) и «Всемирной истории для детей», чтобы обеспечить посетителю непосредственный контакт с качественной копией музейного предмета.

Распространению мифов о безоблачном детстве дворянских детей немало способствовали воспоминания и произведения писателей-эмигрантов, для которых было свойственно ностальгическое отношение к своему российскому прошлому. Мир детства в дореволюционной России в их воспоминаниях романтизируется в религиозно-сентиментальной стилистике и приобретает черты религиозного мифа, сказания о «райском месте».

Материал выставки рассматривает и феномен семей, являвшихся исключением, где личность ребенка имела большое значение для родителей, где существовал тесный контакт между членами семьи и отсутствовали телесные наказания: семья писателя С. Аксакова, анархиста М. Бакунина, В. Ульянова-Ленина и др.

Модель крестьянского детства, представленная в музее, также разрушает общепринятые стереотипы о горькой доле детей «из народа». Тяжелые социальные условия жизни контрастируют с психологически более комфортной, чем у маленьких дворян, организацией детства: крестьянские дети не были изолированы от взрослого мира и мира вообще. Чаще всего дом состоял из одной горницы, где жили бок о

²²⁰ Бокова 2010.

бок разные поколения семьи. Сельские дети росли в естественных условиях, окружающую среду познавали посредством эмпирического опыта, навыки обретали через подражания взрослым. Отношения между детьми и взрослыми были грубовато-просты и естественны, при этом как правило не практиковались телесные наказания – ребенок быстро встраивался в социальную иерархию крестьянского общества.

Экспозиция, презентующая эту модель и парадигму, представлена в виде угла крестьянской избы с лавкой и сундуком вместо кровати, с полом, засыпанным соломой, с тряпичными куклами-крутышками, деревянными рублеными игрушками, лубочными картинками и старинной иконой – раскрашенной линогравюрой в Красном углу. Дореволюционные фотографии совместного труда детей и взрослых дают представление об основах воспитания. Организация крестьянского детства была куда ближе к утопической идее Руссо, чем дворянские «детские», созданные, казалось бы, под ее явным влиянием. Необразованность, медицинская и гигиеническая неграмотность трудового населения России не позволяла утопии стать социальной реальностью.

Экспонаты и материалы партнера выставки Музея гигиены помогают наиболее полно раскрыть особенности распространения утопических воззрений большевиков после Октябрьской революции 1917 в области педагогики и детской политики в третьей социокультурной модели детства – впервые осуществленном масштабном эксперименте по воспитанию «нового человека» – человека «советского».

Буржуазная модель семьи в представлениях большевиков отменялась во имя свободных отношений партнеров. Следовательно, обязанность содержания и воспитания детей, родившихся в этих недолговечных свободных союзах, должно было брать на себя государство. Основатели советской системы неоднократно указывали, что для построения коммунизма потребуются создание «нового человека», не испорченного буржуазным и капиталистическим прошлым страны. В идеализированном виде советское детство должно было протекать в специально созданных для этого учреждениях, которые идеологически верно воспитают ребенка и освободят его родителей для полезной работы. К 30-м годам эти утопические взгляды подверглись критике, государство не справлялось с обеспечением и воспитанием большого количества сирот, и общество снова вернулось к пропаганде моногамной крепкой семьи, построенной на советских принципах. Тем не менее, начало пересмотра всей парадигмы детства в сторону коллективного идеологического воспитания было положено. В результате глобального педагогического эксперимента появился феномен советского детства.

Для того чтобы понять, как новая власть видела картину детства, посетителям музея были предложены исторические источники разного рода: от игрушек и одежды до школьных программ, специаль-

ной педагогической литературы и законодательных документов в области детской политики.

Идеологизация и пропаганда коммунистических идей пронизывали все сферы жизни ребенка от игрушек до организации досуга и детских книг.

В процессе музейного социокультурного моделирования был создан Красный уголок с горнами, барабанами, портретом В.И. Ленина и похвальной грамотой пионерки, дочери писателя П.П. Бажова – Ариадны Бажовой. Фотографии первых лет советской власти демонстрировали типичную деятельность пионеров: сбор металлолома, сбор макулатуры, коммунистические субботники, смотр отрядного строя и песни, зарница, тимуровское движение, кружки, ликвидация безграмотности, борьба с беспризорностью, трудовые коммуны и т.д. На выставке через агитплакат иллюстрировались изменения в детской политике, зафиксированные в новом законодательстве. Агитплакаты первых лет советской власти являются наглядной демонстрацией и закона о всеобщем образовании, и того факта, что после революции законодательство поставило в центр ребенка, а не родителей: запрет на насилие, на телесные наказания, признание за ребенком своего личного мнения, независимого от убеждений родителей.

Медицинско-профилактические плакаты демонстрируют заботу государства о здоровье подрастающего поколения «новых» людей – борьба с сосками-жевками, бывшими одной из причин детской смертности до революции, всеобщее прививание, «воспитание» матерей, обучение их правильному обращению с детьми и основам гигиены. Плакаты В. Маяковского и книги К. Чуковского, представленные на выставке, были направлены на борьбу с гигиенической безграмотностью населения. Развитие медицинских институций и санитарного просвещения к 1925 году позволили сократить детскую смертность почти в два раза по сравнению с 1913 годом: с 280 смертей на 1000 родившихся до 129.

С начала 1920-х годов, когда в Москве открылась первая рабочая артель по выпуску игрушек, и до конца 1950-х годов производством детских игрушек в СССР занимались, в основном, артели. На выставке представлены модели «артельных» деревянных игрушек: военные самолеты, танки, машины, куклы-военные, мальчик и девочка из нового материала начала 1930-х гг. – прессованных опилок – позволяют увидеть милитаристское направление в детском досуге: игрушки были не только средством развлечения, но и средством пропаганды.

Издания детских книг 1920-х гг. становятся иллюстрацией утверждения С. Маршака: «В предреволюционные годы детского чтения было сколько угодно. Но детской литературы, в сущности, не бы-

ло, – нельзя же назвать искусством дамское рукоделие!»²²¹ С. Маршак привел в детскую литературу «взрослых» писателей. Новая детская советская литература брала на себя ответственность наравне со школой и пионерской организацией за воспитание «нового человека», формируя у юных читателей такие черты, как честность, бескорыстие, нетерпимость к пережиткам прошлого и к личным «грехам»: эгоизму, жадности, подлости и пр. Детям показывали пример, как отрицательные или неорганизованные дети исправлялись примером положительных. Вместе с тем создается литература, которая наследует более старым жанрам – жанрам религиозным, житийным. Жития святых были неотделимы от прошлой парадигмы детства. В 1920-е гг. появляются новые «жития» – это книги о Ленине, который становится, особенно после смерти, христологической фигурой, книги о пионерах-героях. В прессе печатаются газетные заметки о подвигах юных «борцов с классовым врагом»; с середины 1930-х годов выходят брошюры, посвященные взрослым революционерам и юным героям – Павлику Морозову, Коле Мяготину, Грише Акоюну и др. Список «новой житийной» советской литературы на выставке представлен книгами о пионерах и комсомольцах – героях Великой Отечественной войны.

Первое поколение великого эксперимента по созданию «нового человека» в большинстве своем погибло в годы Великой Отечественной войны, поэтому оно не дало действительно устойчивого, цельного, способного к воспроизводству в следующих поколениях человеческого типа. Позднее вместо «нового человека» к 70-м – началу 80-х формируется так называемый «человек советский». Социолог и политолог Ю. Левада выделял в нем такие черты, как изолированность (отсутствие представлений о том, как живут люди на капиталистическом Западе), зависимость от коллектива, инертность, «упрощенность», стремление к материальным благам (квартира, машина, дача)²²².

И тем не менее, за два десятилетия после Октябрьской революции 1917 года советская власть радикально изменила отношение к детям и семейную политику в целом. В результате работы выставки проводились опросы посетителей, помогающие выявить уровень переосмысления парадигмы советского детства в разных возрастных категориях граждан.

Современные дети, молодежь и подростки при знакомстве с моделью советского детства, представленной в музее, знакомой им по фильмам и литературе, говорят о «тоске по непрожитой жизни»: по открытому пространству двора с играми в казаки-разбойники, увлекательному коллективному делу, романтической героизации и противостоянию конкретизированному злу, по вере в человека и в светлое будущее.

²²¹ Маршак

²²² Левада

Список источников и литературы

- Бокова 2010** – Бокова В. М. «Отроку благочестие блюсти». Как наставляли дворянских детей. – Ломоносов: «Ломоносовъ», 2010.
- Кряжевских 2010** – Кряжевских М. Ю. Социокультурное моделирование дискурса прошлого в коммуникационном пространстве литературного музея: специфика субъектно-объектных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 20 (201). Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. – С. 71-74.
- Левада** – Левада Ю. А. Человек советский. URL: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>.
- Маршак** – Маршак С. Я. О большой литературе для малышей. О наследстве и наследственности в детской литературе. URL: <http://www.s-marshak.org/content/view/52/>.

M.Yu. Kryazhevsky, V.N. Kargopol'tseva

SOCIOCULTURAL MODELING IN MUSEUMS AS THE METHOD OF INTRODUCTION AND EVALUATION OF UTOPIAN THEORIES OF CHILDHOOD ORGANIZING

This article focuses on sociocultural modeling as a method of museum activity which allows not only to present specific discourse of the past, but helps to reinterpret results of implementation of Utopian theories that used to be popular in the late XVIII – XX centuries into civil life and domestic pedagogical practice.

Keywords: museums, sociocultural modeling, paradigm of childhood, upbringing of children, means of upbringing.

УДК 94(470.54).06

Код ВАК 07.00.02

Д.А. Лобанов

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ФЕНДРИКА ХАЛЛБЕРГА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ

В статье на примере шведского военнопленного Халлберга рассматривается практика поступления на русскую службу бывших военнопленных после окончания Северной войны. Русское правительство, понимая острую необходимость использования иностранных специалистов, всячески стремилось оставить в России тех из них «королинов», которые имели необходимые знания и навыки. Но это желание зачастую вступало в противоречие с практикой деятельности бюрократического аппарата на местах.